

Митрополит Иларион: Необходимо заботиться о нравственности в культурном пространстве

15 февраля 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал член Патриаршего совета по культуре, народный артист России Н. П. Бурляев.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры. Вы смотрите передачу «Церковь и мир». 1 февраля исполнилось пять лет со дня интронизации Святейшего Патриарха Кирилла. В нашей передаче мы продолжаем размышлять о том, что было сделано за эти пять лет. Вскоре после восшествия Святейшего Патриарха Кирилла на Патриарший престол был создан Патриарший совет по культуре. Сегодня мы поговорим о взаимодействии между Церковью и культурой за эти последние годы. У меня в гостях – член Патриаршего совета по культуре, народный артист России Николай Петрович Бурляев. Здравствуйте, Николай Петрович.

Н. Бурляев: Здравствуйте, Владыка. Патриарший совет поднял очень важную тему о культуре, о необходимости повышения роли культуры в жизни общества. Тютчев когда-то говорил: «Нам не дано предугадать как наше слово отзовется», но оно, оказывается, отзывается, потому что результатом Патриаршего совета стало обращение Патриарха к новоизбранному Президенту, в котором, на мой взгляд, главными были два посыла: во-первых, нужно повышать роль культуры в жизни общества; во-вторых, в стране отсутствует четкая стратегия государственной культурной политики. Слово отозвалось, Президент услышал и начал Президентский совет с того, что у нас нет стратегии государственной культурной политики, нужно ее выработать. Сейчас этим занимается много людей. Я надеюсь, что когда мы определим, какой должна быть культура, что должно поддерживать государство, вот тогда, я думаю, дело наладится.

Митрополит Иларион: Я хотел бы в связи с этим напомнить слова известного богослова – отца Павла Флоренского о том, что культура происходит от культа, что изначальные корни культуры – религиозные. Даже если в какой-то момент культура отпочковалась от религии и начала свое самостоятельное бытие, религиозные основы в культурной традиции все равно сохраняются, они очень сильны. Мы можем это видеть на примере русской культуры XIX века, которая вся пропитана христианскими идеалами и темами, хотя, по сути, тогда она являлась уже светской, а не религиозной. Мы это можем наблюдать даже в культуре советского времени, в которой несмотря на господствующий в стране атеизм, насильственно навязываемый людям, тем не менее, сохранялась религиозная тема, некая духовная основа, что мы наблюдаем, например, в фильмах Андрея Тарковского, каждый из которых, выходя в советское время, становился событием,

являлся фильмом-притчей, наполненным скрытым, а в некоторых случаях даже вполне открытым христианским содержанием.

Н. Бурляев: Владыка, Вы правы. Прежний кинематограф был христианским по сути, хотя мы жили в атеистическое время, но даже партийные режиссеры, у которых в кармане был партбилет, такие как Довженко, Бондарчук, Шукшин, делали, по сути, христианские фильмы.

Вы правы, культура – это умение услышать Господа, потому что мы не сами творим, а через нас прорекает Господь, и как говорил Иван Ильин, внешнее есть лишь знак главной тайны, «прорекающей через художника». Тарковский не был членом партии, но он всю жизнь искал Господа.

Долгие годы я утверждал, что Андрей был верующим человеком, но доказать этого я не мог. Первый крест в моей жизни мне на шею надел Тарковский. Хотя это был игровой крест и это действие нельзя считать доказательством его, так сказать, религиозности, но я ждал всю жизнь подтверждения, и оно пришло. Когда Андрей ушел из жизни, мне дали его книгу дневников, в которой я обнаружил молитву – обращение Андрея к Господу. Дословно она звучит так: «Боже, чувствую приближение Твое. Чувствую руку Твою на затылке моем. И только тяжесть грехов и злобы моей не дают мне творить Твою волю. Верую, Господи. Хочу видеть людей и мир такими, какими Ты их создал. Верую, Господи, помоги и прости».

В этих словах – христианин Тарковский, искавший и трудно шедший к Господу, в каждом фильме утверждавший самые высокие идеалы. Он слышал Господа и это, кстати, меня поразило при первой встрече. Я был тогда 14-летним мальчишкой, и полюбил его при первом же общении. Почему? Он был человеком достаточно жестким, очень нервным, не располагавшим к тому, чтобы тут же ринуться к нему всем сердцем, но я мгновенно его принял в сердце, потому что я, мальчишка, увидел (сейчас мне жизнь подсказывает, что я прав), что он живет в двух измерениях. Он сейчас здесь, наяву и вдруг – нет. Его душа там, где живут его образы, где живет Господь.

Митрополит Иларион: Вы сыграли главную роль в фильме Тарковского «Иваново детство», с которого, по сути дела, началась Ваша карьера актера. До этого Вы уже снимались в кино, но этот фильм, думаю, стал знаковым и в Вашей судьбе, и в значительной степени в судьбе Тарковского, потому что с него началась его киноэпопея, включившая в себя несколько фильмов. Каждый из них становился событием и открытием для миллионов людей. Действительно, Тарковский писал на языке иносказания, притчи, потому что о многих вещах нельзя было говорить открыто, и о них говорилось завуалировано.

Именно так поступали и некоторые наши мыслители, такие как Аверинцев, Лосев, говорившие о глубоких христианских истинах, но при этом заворачивая их в «обертку» эстетики или античной философии. У Тарковского была удивительная способность передавать христианские истины через свои фильмы-притчи. Конечно, я вспомнил бы здесь фильм «Андрей Рублев», который был, наверное, единственным за всю позднюю историю Советского Союза фильмом, непосредственно

говорящим о христианстве, о монахе, раскрывающим такие христианские идеалы, о которых вообще не принято было говорить вслух. Я думаю, что именно этой удивительной, содержательной и духовной целостностью значимость Тарковского была обусловлена для целого поколения его зрителей.

Н. Бурляев: Самое интересное, что о нем говорил Бергман, перед которым Тарковский преклонялся. Бергман писал: «Когда я увидел фильмы этого молодого русского режиссера, я понял, что он имеет ключи от той тайной комнаты, куда я бы хотел попасть. Но я туда не могу попасть, а он чувствует себя там как дома».

Сейчас я готовлю книгу о Тарковском и пытаюсь с разными авторами проследить духовное, религиозное начало в его жизни и творчестве. Вы знаете, к какому выводу я пришел: каждый фильм Тарковского можно назвать жертвоприношением, потому что в основе каждого фильма – жертва человека во имя Родины, Господа и т. д. Маленький разведчик Иван жертвует жизнью. Мой герой Бориска понимает, что он может плохо кончить, если не отольет колокола. Дальше – «Сталкер», «Зеркало». Всюду жертва. И последний фильм – «Жертвоприношение».

Андрей Тарковский пропел песню судьбы. Ведь у каждого человека есть одна главная песня, которую он поет всю жизнь, идя к Господу. Андрей в каждом фильме пел эту песню. Каждый фильм – исповедь.

Митрополит Иларион: Я хотел бы, если Вы позволите, вернуться к теме, с которой мы начали, и сказать о том, что в советское время во времена Тарковского, с одной стороны, в стране царил атеизм. Церковь была притесняема и гонима. Но, с другой стороны, развивалась культура. Даже находясь в очень жестких тисках власти, великие творцы создавали высокие произведения. Не могу не вспомнить Шостаковича, которого не раз травили в центральных газетах, он прожил несколько лет в ожидании ареста, прислушиваясь к каждому стуку в дверь. При этом он творил и создавал такие шедевры, которые можно поставить на один уровень с Бетховеном, и они действительно вошли в золотой фонд мировой музыки. То есть культура развивалась в этом жестком прокрустовом ложе, в котором она находилась в советское время.

Но что произошло в 90-е и 2000-е годы, особенно в 90-е? Тот упадок культуры, о котором все заговорили и причины которого долго не могли понять, хотя причины здесь были очень простые. Культура вдруг в какой-то момент начала утрачивать нравственное начало. Стали появляться такие фильмы как «Брат», «Брат-2», в которых совершенно отсутствует не только церковное измерение, но и нравственное, а идеалом становится не позитивный герой, а человек, причиняющий людям зло как бы во имя добра, то есть переворачивается шкала ценностей. Я думаю, что именно этот кризис культуры, который мы наблюдали на протяжении двадцати лет, привел к осознанию необходимости каких-то новых шагов Церкви навстречу культуре. Вот почему, собственно, был создан Патриарший совет по культуре и Патриарх его лично возглавил.

Н. Бурляев: Тарковский и культура – одно целое, потому что Тарковский – это такая культура, какой она должна быть в полном понимании, до ее уровня надо дотягиваться. Тарковский предчувствовал приход этого нового, рыночного, времени. На мой взгляд, для человека, отдавшего всю жизнь культуре, искусству, понятия «культура» и «рынок» несовместимы. Культуру выпихнули в рынок. Как говорил один из чиновников, отвечавших за культуру, «нужно культуру подвинуть на панель». Очень цинично, и они сделали то, чего хотели, – подвинули туда культуру, – зарабатывайте деньги.

Я думаю, очень важно, что Президент и Патриарх выразили беспокойство тем, что нет в стране стратегии государственной культурной политики. Даст Бог, выработаем.

Митрополит Иларион: Я вспоминаю одну из первых встреч Патриарха после его избрания с руководителями телевизионных каналов. Патриарх говорил о нравственном измерении искусства, о нравственном измерении в телевизионных программах. Один из руководителей телеканалов сказал ему: «Мы не формируем действительность, мы ее отражаем. Какая она есть, такой мы ее и отражаем». На что Патриарх ответил: «Это не так. Вы в значительной степени формируете действительность. Потому что именно вы показываете сцены, которые люди потом воспроизводят в реальной жизни». Если, например, дети, школьники, подростки, у которых не сформировалось собственное нравственное чувство, по телевидению видят просто руководство по совершению преступлений, убийств, насилия, то чему потом удивляться, если эти подростки, когда чуть-чуть подрастут, все это воспроизводят в реальной жизни.

Н. Бурляев: Вы, Владыка, правы. В последнее время я стал задумываться об этом. Отчетливо ясно, что телевидение – вторая реальность, в которой живет человек. Он приходит домой, включает телевизор и попадает в эту реальность, в которой проводит половину жизни. Когда приносишь на наши главные телеканалы фильмы духовного уровня, допустим, о Тютчеве, о Гоголе, говорят – неформат. Я бы хотел позволить себе, хотя при Вас и нельзя, рассказать анекдот.

Митрополит Иларион: Почему нельзя?

Н. Бурляев: Вы все-таки духовное лицо. Я не знаю, как Вы относитесь к анекдотам, но это потрясающий анекдот. Умирает руководитель одно из центральных каналов. Попадает в рай. У врат его встречает апостол Петр и спрашивает: «Ты кто?». «Я такой-то». «Ну и что». «Я –руководитель главного канала». «Ну и чего ты хочешь?». «А можно мне туда к вам?». «Неформат».

Митрополит Иларион: Забавный анекдот. Мне кажется, что беда в том, что, как Вы сказали, культура выставляется на рынок, должна сама себя оплачивать, обеспечивать, что главным

критерием становится рейтинг. К сожалению, рейтинговыми являются программы либо сугубо развлекательные, либо те, которые, к сожалению, пропагандируют насилие или разврат. Здесь возникает вопрос о нравственной ответственности создателей телепередач, кинофильмов. Что они хотят выразить своим искусством?

Вот почему Святейший Патриарх постоянно напоминает о том, что у культуры есть нравственное измерение. Если культура будет диссоциирована от нравственности, то она превращается в антикультуру, как это часто и происходит.

Н. Бурляев: Люди не понимают, что за все придется отвечать. Перед Богом мы будем держать ответ за все, что сделали.

Телевидение – это невероятная сила. На кинофоруме «Золотой витязь» мы показали за 22 года 6500 фильмов, которые соответствуют девизу «За нравственные идеалы, за возвышение души человека».

Владыка, может это и есть то зерно, из которого и надо проращивать новую государственную культурную политику – нравственные идеалы и возвышение души нации? Под этим углом поддерживать только те фильмы, спектакли, литературу, музыку, живопись, которые поднимают дух нации.

Митрополит Иларион: Если мы сейчас с этим согласимся, то нам либеральные критики скажут: "Значит, вы за цензуру. Вы хотите вернуть цензуру, чтобы культура опять оказалась в прокрустовом ложе, в тисках". Мы не этого хотим.

Н. Бурляев: Я бы им лично ответил: "Вы знаете, дорогие, я не могу быть за цензуру, потому что из моих 70-ти (я подсчитал) фильмов – двадцать пролежали на полке, в общем, более 25-ти лет. Я не могу быть за государственную тотальную цензуру. Я – за контроль общественности, отцов, матерей. Общество должно регулировать эти процессы. Иначе мы потопим нашу державу".

Митрополит Иларион: Я с Вами согласен. Думаю, что позиция Церкви заключается в том, что, с одной стороны, мы никому ничего не хотим навязывать. Допустим, сейчас Церковь очень скромно присутствует на телевидении, ведь если посмотреть то время, которое занимают церковные передачи в процентном соотношении на центральных телеканалах, то, конечно, это очень небольшой сегмент эфирного времени. Мы совершенно не претендуем на то, чтобы заполнить эфир. Мы вообще не хотим никому ничего навязывать, просто говорим о том, что существует нравственная ответственность у тех людей, которые выдают некий интеллектуальный продукт, и он появляется на телевидении.

Если у этих людей нет чувства ответственности за себя, за своих детей, за свою страну, за наше общее будущее, тогда мы рискуем превратиться не в создателей, а в разрушителей собственного дома. Вот о чем напоминает Церковь. Пора создавать государственную стратегию культуры,

необходимо заботиться о нравственности в культурном пространстве. В этом смысле, я считаю, сотрудничество между Церковью и культурой, инициированное Святейшим Патриархом в рамках Патриаршего совета по культуре, очень своевременно и востребовано.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51741/>